

Е.Ю. Куликова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Африканские «картинки из книжки старинной»

Н. Гумилева

Аннотация: В статье рассматриваются «африканские» мотивы в творчестве Н. Гумилева, главным образом, на материале сборника стихов «Шатер». По мнению автора, поэт видит мир сказочным и экзотическим, опираясь на личные впечатления, которые одновременно вымышлены и прожиты, вычитаны из книг и пройдены сотнями дорог. Литературность делает облик героя-путешественника условным, и лирическое «я» обретает масочную структуру.

Paper analyzes «African» motifs in Nikolai Gumilev's poetry, primarily as reflected in his collection of poems «The Tent». According to the author, the poet sees the world as magical and exotic as he draws upon his personal impressions which are both dreamed-up and real, found in books and experienced on hundreds of roads. This rootedness in literature gives the traveling protagonist a de-individualized look, and splits the lyrical self into a gallery of masks.

Ключевые слова: экзотические мотивы, поэтическая география, путешествие, Африка.

Exotic motifs, poetic geography, travel, Africa.

УДК: 821.161.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (383) 3304772. E-mail: kulis@mail.ru.

«В тематическом репертуаре Гумилева, – указывал Ю.В. Зобнин, – от ранних произведений до стихотворений и поэм “Огненного столпа” – тема “движения”, которое раскрывается, прежде всего, как “перемещение в пространстве”, “путешествие”, традиционно находится в числе “приоритетных”, программных тем» [Зобнин, 2000, с. 7]. Африканские путешествия являются своего рода визитной карточкой Гумилева. И. Одоевцева, описывая своего учителя, подчеркивала: «Поэт, путешественник, воин, герой – это его официальная биография, и с этим спорить нельзя» [Одоевцева, 1989, с. 47]. В стихотворении «Память» задана судьба Гумилева не только в пространстве, но и во времени, где бытие вмещает в себя целый сгусток существования:

Память, ты рукою великании

Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня
[Гумилев, 1988, с. 309]¹.

Среди разных ликов возникают лица поэта, воина, но Гумилев отдает явное предпочтение ипостаси путешественника:

¹ Далее страницы этого издания приводятся в круглых скобках.

Я люблю изгнанника свободы,
Мореplавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.

Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны (309–310).

Освоение новых пространств, во всяком случае, стран, мало привычных для белого человека, привлекает поэта и наполняет вдохновением. Так в судьбе Гумилева возникает Африка: несмотря на то, что в этой стране жило немало русских и европейцев, она не являлась местом, куда ездили на экскурсию полюбоваться достопримечательностями. «Африканские стихи Гумилева сделали его поэтом: он нашел оригинальную тему и занял с ней своё место в поэзии» [Видугирите].

Первые «африканские» стихи (например, известнейший цикл об озере Чад) были написаны до того, как сам поэт побывал в тех местах. А. Давидсон писал в своей книге «Муза странствий Николая Гумилева»: «Существует... прочно утвердившееся мнение, что первый раз Гумилев побывал в Африке еще в 1907 году, отправившись туда впервые из Парижа» [Давидсон, 1992, с. 35]¹. Между тем «его жирафы и леопарды... порождены не подлинным морским и тропическим миром, не Африкой, а Монпарнасом... навеяны... Леконтом де Лилем, Бодлером, Кольриджем, Стивенсоном, Кипплингом» [Там же, с. 41]. Л. Аллен отмечает, что «тогдашняя Африка, в основном франкоязычная, привлекла сначала Гумилева с тем большей силой, что ее самобытная культура была вся пропитана соками, исходящими из Франции» [Аллен, 1994, с. 237]. Вспомним про увлечение африканскими мотивами многих французских художников (например, Дерена, Матисса, Гогена, Пикассо). Тем не менее Е.Ю. Раскина пишет: «Уже современники и соратники по второму “Цеху поэтов” отмечали, что экзотизм африканских стихов Гумилева обладает совсем иной породой, нежели “экзотизм Гогена и все, что ему родственно”² ... Если в пассивном экзотизме Гогена Адамович видел выдумку мечтательного и усталого поколения, “отвыкшего от действия и ищущего утешения и обмана”, то в африканских стихах сборника “Шатер” поэт и соратник Гумилева по второму Цеху совершенно справедливо усмотрел желание одухотворить “огромную, беспредельную во всех измерениях материю”, преобразить движением, поэтическим ритмом “косный сон стихий”» [Раскина, 2009, с. 6–7].

Экзотические мотивы волновали Гумилева также через Брюсова и Бальмонта и тягу символистов к экзотическим странам. Мечты и стихи, в которые они вылились в «африканских» стихах поэта, оказались настолько убедительными, что долгое время считались именно впечатлениями, а не чистым вымыслом³. Между

¹ Так считают Н. Оцуп, Г. Струве, Л. Аллен, В. Бронгулеев.

² Исследовательница приводит высказывание Г. Адамовича: «Только близорукому Гумилев покажется потомком Гогена. Он всегда был и остался в новой своей книге прежде всего мужественным в смысле желания работать в мире, “преображать” его, как любят у нас говорить, а не очаровываться им...» [Альманах Цеха поэтов, 1921, с. 70].

³ О знаменитом «Жирафе» Гумилева М. Баскер пишет: «В “Жирафе”... два хронотопа... Основной план действия стихотворения можно непосредственно соотнести не с миром экзотики, а с повседневной реальностью “современной действительности”, с ее удушливым туманом и дождем. Что касается второго хронотопа, то, как выявляется по таким прилагательным, как “волшебный”, “чудесный”, “немыслимый”... “таинственное” царство Чад... представлено... **вымыслом** (выделение автора – Е.К.) рассказывающего... Вопрос о реальности второго хронотопа устранен, в то время как **поэтический** характер лирического выступления приобретает большую убедительность» [Баскер, 1996, с. 132].

тем они воплотились в жизни Гумилева практически полностью: его дальнейшее творчество продолжило эту отчасти символистскую традицию, обращенную к романтизму с его пристрастием к азиатскому, кавказскому и восточному колориту. А.И. Башук считает, что лирику поэта «необходимо изучать с позиции “жизнетворчества”». Сам Н. Гумилев был убежден, что поражать людей должны не только его стихи, но он сам, его жизнь. Он должен совершать опасные путешествия, подвиги, покорять женские сердца. Экзотика и романтизм составляли самую сущность его внутреннего мира, что нашло отражение в ПКМ (поэтической картине мира – *Е.К.*)» [Башук]. По словам Н. Оцуа, «модернисты открывают новую Европу. Их привлекает прежде всего Франция, но они также чувствительны к чарам Азии, Африки, Дальнего Востока, древних исторических и даже доисторических времен... В то время как мэтры модернизма ограничивались кабинетными путешествиями в историю и географию народов... Гумилев лелеял мечту посетить далекие страны, увидеть собственными глазами другую природу, другие костюмы и цвета, слушать песни и молитвы диких племен» [Оцуп, 1995, с. 25].

Гумилев ездил в Африку четыре раза. А. Давидсон пишет, что в 1908 г. поэт несколько недель жил в Каире и Александрии, где впервые увидел «сад, устроенный на английский лад, с искусственными горами, гротами, мостами из цельных деревьев», писал Н. Гумилев В. Шварсалу [Раскина], – сад Узбекские в Исмаилии, которому посвящено стихотворение «Эзбеки». В комментариях к изданию стихотворений и поэм Гумилева в серии «Библиотека поэта» (1988) поездка в Египет датируется 1907 г. (составитель и автор примечаний М.Д. Эльзон). По-видимому, объясняется это датировкой создания стихотворения (1917 г.), написанного через десять лет после первого посещения Гумилевым сада («ровно десять лет прошло / С тех пор, как я увидел Эзбеки», 271).

«Первое путешествие в Абиссинию пришлось на зиму 1909/10 года» [Давидсон, 1992, с. 48]. Перед поездкой у Гумилева возникла идея «создания Геософического общества, упоминание о котором содержится в письме к Вячеславу Иванову от 5 января 1910 г... В Геософское общество должны были войти: сам Гумилев, Вяч. Иванов и В. Шварсалу, М. Кузмин... Н.С. Гумилев далеко не случайно писал «сестре в Геософии» о каирском саде, в небе над которым светит «большая бледно-голубая луна». Упоминание об Эзбеки было связано с мотивом поисков *земного рая (чудесного сада)* (курсив автора – *Е.К.*), присутствующим в произведениях Гумилева» [Раскина]. Следующее путешествие в Эфиопию проходило с 25 сентября 1910 г. по 21 марта 1911 г., а научная поездка в Абиссинию (как исследователя-этнографа за экспонатами) началась 7 апреля 1913 г. Она продлилась до осени 1913 г. [См. об этом: Давидсон, 1992, с. 172].

Большинство африканских впечатлений отражены в стихах сборника «Шатер», изданного в Севастополе в 1921 г.¹, – последнего прижизненного сборника Гумилева. Поэт сделал подзаголовок: «Стихи 1918 г.», тем самым подчеркнув документальность личных переживаний в описании любимой страны. Н. Оцуп полагал, что тексты «Шатра» написаны в 1907–1913 гг.: именно такую датировку он поставил, издавая в Париже «Избранное» Гумилева [См. об этом: Давидсон, 1992, с. 224]. «В записной книжке Анны Ахматовой сказано: “Шатер” – заказная книга географии в стихах и никакого отношения к его путешествиям не имеет» [Там же, с. 224]... «Возможно, Анна Андреевна права во многом – какие-то стихотворения или их части могли быть написаны и раньше. Но согласиться с ее утверждением... никак нельзя... в стихотворениях “Шатра”... слышатся отголоски

¹ В 1922 г., после гибели поэта, в Ревеле появился более полный вариант «Шатра» со стихотворениями «Суэцкий канал», «Мадагаскар», «Замбези» и «Нигер». Об истории издания сборника см. в книге А. Никитина «Неизвестный Николай Гумилев» [Никитин, 1996, с. 9–49] и в комментариях к сборнику стихов и поэм Гумилева [Гумилев, 1988, с. 583].

путешествий. В стихах об Эфиопии автор постоянно пишет прямо о себе» [Давидсон, 1992, с. 236].

Гумилев видит мир сказочным и экзотическим, опираясь на личные впечатления, которые одновременно вымышлены и, безусловно, прожиты, вычитаны из книг и пройдены буквально сотнями дорог. Э.Ф. Голлербах отмечал, что «Муза Гумилева живет в призрачной, воображаемой стране. Ничего не значит, что поэт сам побывал в далеких странах, видел воочию пустыни Африки... в той стране, где живет его муза, все преобразается, видоизменяется по ее прихоти» [Голлербах, 2000, с. 467]. Подобно А. Рембо, Гумилев познал сердце Африки, и его любовь к этой стране отразилась в сборнике «Шатер».

Названия стихотворений в этой книге стихов – сплошь топонимы. «Шатер» представляет своего рода географическую карту, по которой можно воссоздать целостный образ Африки – начиная от Красного моря, по которому океанский пароход идет, «как учитель среди шалунов», через пустыню Сахару, Сомалийский полуостров, даже Мадагаскар и заканчивая Нигером. Одну из самых «сухих» стран мира Гумилев видит полноводной, бушующей волнами на «водяном карнавале», покрытой травой в человеческий рост.

Несмотря на то, что во «Вступлении» Африка открывается «оглушенная ревом и топотом, / Облеченная в пламя и дым», ее пространство Гумилев описывает через водные метафоры. В первом стихотворении знаменитый образ кипящего Красного моря выводит топос за рамки традиционного морского мира: «акуля уха, / Негритянская ванна, песчаный котел!». Самое «горячее» море в поэтической трактовке Гумилева буквально «варится», как суп, между африканским и аравийским берегами. Ураган и волна, «как хрустальная... гора», лишь приносят свежесть, а образы, перекликающиеся с образами «Пьяного корабля» Рембо, включают в себя широкую цветовую палитру. Сравним:

Целый день над водой, словно стая стрекоз,
Золотые летучие рыбы видны,
У песчаных, серпами изогнутых кос
Мели, точно цветы, зелены и красны.

Блещет воздух, налитый прозрачным огнем,
Солнце сказочной птицей глядит с высоты (282).
(«Красное море»)

...rythmes lents sous les rutillements du jour¹ ...
... Je sais les cieux crevant en éclairs² ...
...J'ai vu le soleil bas, taché d'horreurs mystiques³ ...
[Anthologie, 1975, p. 231].

...J'aurais voulu montrer aux enfants ces dorades
Du flot bleu, ces poissons d'or, ces poissons chantants⁴
[Ibid., p. 232].

...Est-ce en ces nuits sans fond que tu dors et t'exiles,
Millions d'oiseaux d'or, ô future Vigueur?⁵
[Ibid., p. 233]. («Le bateau ivre»)

¹ «Медленные ритмы в сиянии дня» (Перевод «Пьяного корабля» Рембо здесь и далее мой – Е.К.).

² «Я знаю пронзенные светом небеса».

³ «Я увидел заходящее солнце, в пятнах мистического ужаса».

⁴ «Я хотел бы показать детям этих дорад

Из голубой волны, этих золотых рыбок, рыб поющих».

⁵ «Не во время ли этих бездонных ночей ты дремлешь и исходишь,
Подобно миллиону золотых птиц, о ты, будущая мощь?»

Солнце над Красным морем у Гумилева напоминает сказочную птицу, подобно тому, как будущее у Рембо сравнивается с миллионом золотых птиц, над волной скользят золотые рыбки – летучие у Гумилева, поющие у Рембо, и совершенно особенным выглядит сияние небес над первозданным морским простором.

И если море Гумилев называет «песчаным котлом», то «на покрытое волнами море в грозу... / Сахара похожа» (287). Сходство в описании песков и моря, сравнение процесса творчества как плавания на легкой ладье по реке к Мадагаскару («И мне снилось ночью: плыву я / По какой-то большой реке», 298), создание образа «водяного карнавала в африканской пустыне» (290), рассказ о смерти полководца в «бурливой воде» («И тонул он в воде, а казалось, в сиянье / Золотого закатного солнца тонул», 306), превращение африканской реки Нигер в «торжественное море» – во всех перечисленных мотивах и образах мы видим любимый гумилевский морской сюжет.

Африку поэт представляет необъятным и не вполне освоенным пространством – в первую очередь, близким морскому. Знаменитые строки из стихотворения «Сахара»:

И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары (289), –

представляют пески пустыни необъятным «сплошным золотым» океаном, который рано или поздно покроет всю землю¹. Эти строки могут быть увидены как реминисценция из стихотворения Тютчева² «Последний катаклизм»: «Все зримое опять покроют воды, / и Божий лик изобразится в них!» [Тютчев, 1957, с. 68]. Гумилевская инверсия отчасти объясняет равную тягу героя-путешественника к морским просторам и к Африке. Мотив стихии, одновременно включающей в себя и воду, и землю (песок), в данном случае соединен еще с мотивом огня («Сердце Африки пенья полно и пыланья» (308), «Иглы пламени врезаны в ночь» (300), «И невиданным зверем багровым / На равнинах шевелится пламя» (292)) и мотивом воздуха (ветра) («Буйный ветер в пустыне второй властелин» (287), «Кочуют ветра да ликуют орлы» (295)). Африка представляет собой место столкновения и контаминации разных стихий, которые то вступают в противоборство, то согласно движутся, а герой может либо подчинить их себе, либо влиться в самый их эпицентр, и тогда ему откроется небывалый мир, о котором мечтал Гумилев:

Дай за это дорогу мне торную,
Там, где нету пути человеку,
Дай назвать моим именем черную,
До сих пор неоткрытую реку (281).

Еще один момент, чрезвычайно важный для героя Гумилева, – это тот самый второй план (идея «вымышленности»), без которого не обходится ни один мотив, связанный с путешествиями лирического героя. Как отмечали и современники

¹ Вяч. Вс. Иванов указывает, что здесь «с охватом географическим соединяется и безбрежная временная перспектива... Дальнейшее развитие подобный пространственно-временной сюрреализм, соединяющий вместе великие реки Западной Европы, России и Африки, получает в «Заблудившемся трамвае» [Иванов, 2000, с. 300].

² Что подкрепляется сходством синтаксических конструкций в строфе «на покрытое волнами море в грозу, / Ты промолвишь, Сахара похожа» с тютчевской «Весенней грозой»: «Ты скажешь: ветреная Геба...» [Тютчев, 1957, с. 52].

поэта, и более поздние исследователи, даже реальные путешествия выглядят в описании Гумилева «книжными», «придуманными». Ю. Верховский называл особенностью творчества поэта «реализм сказочный: реальная фантастика, единственно истинная, имеет основное значение в его формировании, как поэта эпического... И постоянная декоративность и красочность не только не заслоняют душевности и внутреннего звучания, но сливаются с ними» [Верховский, 2000, с. 532].

«Египет» начинается со строк:

*Как картинка из книжки старинной¹,
Услаждавшей мои вечера,
Изумрудные эти равнины
И раскидистых пальм веера (283).*

Кольцевая композиция «Мадагаскара» как раз включает «линию грез», окружающую лиро-эпический сюжет всего стихотворения авторским отчасти отстраненным комментарием:

*Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день я бродил в тоске,
И мне снилось ночью: плыву я
По какой-то большой реке (298) –*

начало. А финал:

*Я лежал на моей постели
И грустил о моей ладье (300).*

Последнее стихотворение цикла «Нигер» рождается из рассматривания географической карты Африки:

*Я на карте моей под ненужною сеткой
Сочиненных для скуки долгот и широт
Замечаю, как что-то чернеющей веткой,
Виноградной оброченной веткой ползет (307).*

И такая литературность, отсылающая к «Le voyage» Бодлера, к французской традиции, связанной с уже упомянутыми именами Леконта де Лиля, Матисса, Гогена, создает непрочное равновесие между реальностью и вымыслом, делает облик героя-путешественника двойственным, условным, а личность самого Гумилева обретает масочную структуру.

В «Le voyage» Бодлера морские просторы рождаются из мечтаний под лампой за письменным столом: «Que le monde est grand à la clarté des lampes!»² [Baudelaire, p. 348]. Поэтические видения возникают под новыми созвездиями, но и сами созвездия – следствие творческих странствий, творческих поисков. Моряки сродни поэтам, ибо их бытие абсолютно свободно: «Mais les vrais voyageurs sont ceux-là seuls qui partent / Pour partir»³ [Baudelaire, p. 348]. В последней части «Le voyage» Бодлер сравнивает небо и море с чернилами, превращая тем самым про-

¹ Курсив здесь и далее в поэтических текстах мой – Е.К.

² В переводе М. Цветаевой: «Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!» [Бодлер, 2001, с. 142].

³ «Но истые пловцы – те, что плывут без цели: / Плывущие, чтоб плыть!» [Бодлер, 2001, с. 142].

цесс морского путешествия в процесс творчества: «Si le ciel et la mer sont noirs comme de l'encre»¹ [Baudelaire, p. 351]. В «Сентиментальном путешествии» Гумилева плавание по южным морям в финале оборачивается творческим сновидением, игрой поэтического воображения. В этом смысле «L'invitation au voyage» («Приглашение к путешествию») Бодлера можно считать текстом, на фоне которого пишется «Сентиментальное путешествие» Гумилева, тем более что у него есть «Приглашение в путешествие» – заголовок, звучащий как реминисценция из Бодлера.

В стихотворении «Замбези» описание смерти африканского воина напоминает более позднего «Рабочего» или известные строки из «Я и вы» («И умру я не постели / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще», 257). Переживание героя-зулуса откликается в личной судьбе Гумилева:

Есть один, кто сильнее меня...
... Это слон в неизведанных чашах,
Он, как я, одинок и велик...
... С ним борьба для меня бесполезна,
Сердце знает, что буду убит (301).

Так, поэт может соотносить свое лирическое «я» с личностью героя-воина из Замбези, что, с одной стороны, подчеркивает литературный характер описания странствий, а, с другой, наоборот, выводит личностное начало Гумилева вовне, в героев, увиденных им. Особенность Гумилева – в сочетании вымышленности и безусловной реальности каждого лика путешественника, в автобиографическом происхождении его героев и вместе с тем в литературности почти всех, даже самых лирических персонажей. С одной стороны, его герои – маски, условные персонажи яркого, фантастического, полубалладного мира; с другой – их жизни прожиты автором от начала до конца, вплоть до воина-зулуса из африканских стихов.

Литература

- Аллен Л. У истоков поэзии Н.С. Гумилева. Французская и западноевропейская поэзия // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 235–252.
- Альманах Цеха поэтов. Книга вторая. Петроград. 1921.
- Баскер М. «Далекое озеро Чад» Николая Гумилева (К эволюции акмеистической поэтики) // Гумилевские чтения: Материалы междунар. конференции филологов-славистов. СПб., 1996. С. 125–137.
- Башук А.И. Роль африканских впечатлений в создании теоретической платформы русского акмеизма. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/acmeism/9/>.
- Верховский Ю.Н. Путь поэта (О поэзии Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: Pro et contra. СПб., 2000. С. 505–550.
- Видукири И. Стихотворение «Жираф» и африканская тема Н. Гумилева [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/about/50/>.
- Голлербах Э.Ф. Н.С. Гумилев (к 15-летию литературной деятельности) // Н.С. Гумилев: Pro et contra. СПб., 2000. С. 467–468.
- Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы. Л., 1988.
- Давидсон А. Муза странствий Николая Гумилева. М., 1992.
- Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: Pro et contra. СПб., 2000. С. 5–52.

¹ «Пусть небо и вода – куда черней чернила» [Бодлер, 2001, с. 146].

- Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II: Статьи о русской литературе. М., 2000.
- Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1989.
- Оцуп Н. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб., 1995.
- Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева. Автореф. дисс. ... д-ра филол. н. Архангельск, 2009.
- Раскина Е.Ю. Темы, мотивы и образы «путевой словесности» в творчестве Н.С. Гумилева. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/about/86/>.
- Anthologie de la littérature française. N.Y., 1975.
- Baudelaire Ch. Les fleurs du mal. Paris. Б/г изд.